

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

1 ЮЛЯ
1910

№ 13

Годъ изд.
V

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Адресъ редакціи и конторы: Спб. Вознесенскій, 36, кв. 4. Телефонъ 297-55.

Безобразова М. О. «Исторія одного воробья». Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна 25 к.

Блъяевская О. А. «Капель» Стихотворенія. Цѣна въ папкѣ 75 к., въ обложкѣ 40 к.

Кондурушнинъ И. С. «Въ деревнѣ». Разказы. Съ рис. Цѣна 25 к.

Купринъ А. И. «Слонъ». Съ рисунок. Цѣна 25 к.

Карроль Льюисъ. «Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ». Любимая книга англійскихъ дѣтей. Переводъ Аллегро. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к.

Лондонъ Джэнъ. «Букъ». Исторія одной собаки. Переводъ Н. Манасеиной. Съ рисунок. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ папкѣ 75 к.

Малахіева-Мировичъ В. Г. «Золотой домъ». Сборникъ разказовъ. Съ рис. Цѣна въ обложкѣ 75 к., въ папкѣ 1 р.

Манасеина Н. И. «Разказы для дѣтей». Со многими рис. Цѣна въ папкѣ 1 р. 50 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народн. Просвѣщенія признана подлежащей внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній

Манасеина Н. И. «На Рождествѣ». Три разказа. Съ рисунками. Изданіе 2-е. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотекы низшихъ училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.

Манасеина Н. И. «Мамино дѣтство». Разказъ изъ институтской жизни. Съ отдѣльн. рис. на мѣловой бумагѣ. Ц. въ обложкѣ 50 к., въ папкѣ 80 к.

Полвановъ В. П. «Воронъ».—«Индѣйцы». Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Елка». Стихи для дѣтей. Съ рис. Изд. 2-е. Ц. 35 к.

Соловьева П. С. «Семилѣтка». Народныя сказки. Съ рисунок. Изданіе 2-е. Ц. въ папкѣ 80 коп. Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена въ ученическія библіотекы низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. «Свадьба солнца и весны». Пьеса въ стихахъ. Съ рисунок. Ц. 20 коп.

Соловьева П. С. «Разгадай». Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Ц. 25 коп.

Соловьева П. С. «Березкины именины». Пьеса въ стихахъ. Съ рис. Ц. 25 к.

Соловьева П. С. «Первое Апрѣля». Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ц. 10 к.

Соловьева П. С. «Няня». Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Ц. 15 к.

Соловьева П. С. «Чудесная ночь». Пьеса въ стихахъ. Ц. 20 к.

Шапиръ Н. Л. «Люди и звѣри». Съ рисунками. Ц. 25 к.

Франсъ Анатоль. «Пчелка». Сказка. Съ рис. Изданіе 2-е. Переводъ Н. Манасеиной. Ц. 25 к.

Аллегро. «Дѣти зимой». Открытки въ краскахъ. Ц. за дюжину 25 к., съ пересылкой 35 к.

Выписывающіе книги изъ редакціи за пересылку не платятъ.

Подписчикамъ „ТРОПИНКИ“ дѣлается уступка въ 20%.

На выставкѣ „Искусство въ жизни ребенка“ 1909 г. издательству „Тропинка“ присуждена золотая медаль.

1910 годъ.

Юль № 13.

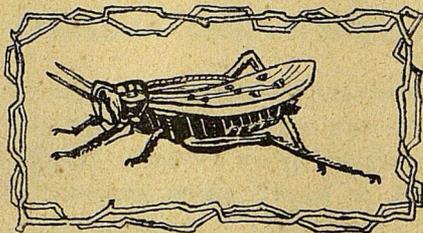
ЖУРНАЛЪ

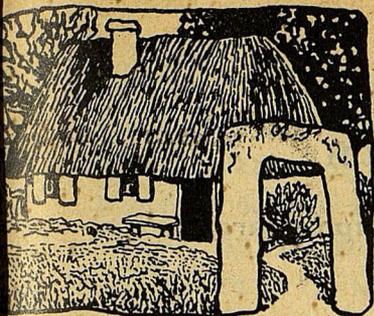
ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Ручеекъ—стихотвореніе *А. Насимовича*.
2. Лѣшій—разсказъ *В. Абрамовой*.
3. На родинѣ первыхъ людей—*П. Инфантьева*. (Продолженіе).
4. Жизнь Хитролиса—*П. Соловьевой*. Рисунки *Рабье*.
5. Съдая еосна — разсказъ *П. Розеггера*. Перевель *И. Фоминъ*.
- 6) Народныя поговорки и примѣты на іюль.
7. Шарада № 5 и загадка № 12.
8. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 10-мъ и 11-мъ №№.

Ручеекъ.

О оврагу бѣлой ниткой
Ручеекъ живой и пряткій
Среди камешковъ урчить,
Точно бабушка ворчить.
Сѣлъ на камень русый мальчикъ,
Опустилъ подъ волны пальчикъ,

И журчить ему ручей:

„Чей ты, мальчикъ, иль ничей?

Аль гуляешь? Гули, гули,—

Глядь и въ лапотки обули...“

Отвѣчаетъ мальчикъ: „Нѣтъ,

Изъ деревни я чѣмъ-свѣтъ;

Тамъ сестра моя больная.

Говорила мнѣ родная:

Слушай, братецъ мой родной,

По тропиночкѣ лѣсной

Ты бѣги и для сестрицы

Ключевой достань водицы.“

Тутъ запѣнился потокъ,

Забульбулькалъ ручеекъ,

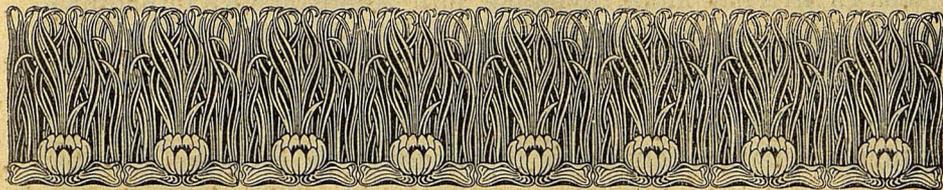
И кувшинъ изъ глины красной

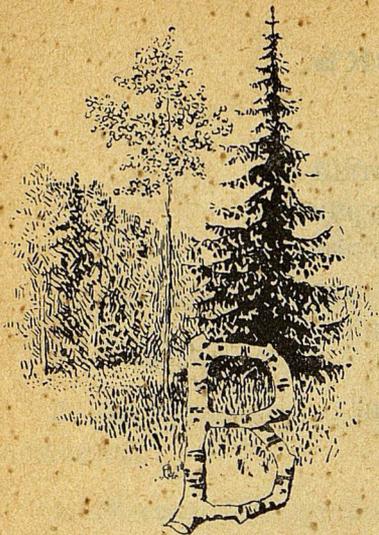
Онъ наполнилъ влагой ясной,

Молвивъ звонко: „Ну, смѣлѣй!

Да дорогой не разлей!“

А. Насимовичъ.

Л ъ ш і й.

Изъ недавняго прошлаго.

I.

Ъ серединѣ лѣта Мишкѣ, наконецъ, посчастливилось. У него завязалось новое очень интересное знакомство. Съ того времени, какъ онъ выписался изъ больницы и поселился у Оомы, жизнь сдѣлалась для него сплошнымъ мученьемъ. Сапожникъ засаживалъ его съ утра за работу. Мишка работать не умѣлъ и не любилъ, но сначала принимался терпѣливо; работа не ладилась, и Оома за каждый промахъ билъ по чему попало. Мишка приходилъ въ ярость и пробовалъ кричать и защищаться; но на помощь никто не приходилъ, а сопротивление приводило къ такимъ потасовкамъ, что Мишка смирился, но возненавидѣлъ деревню и Оому всей душой.

Вторымъ мученьемъ былъ голодъ. Аппетитъ у Мишки былъ большой, ѣды же въ домѣ до крайности мало. Оома жилъ бобылемъ и почти все получаемое пропивалъ. Единственными просвѣтами въ Мишкиной жизни были часы, когда Оома напивался. Тогда Мишка ловилъ и варилъ рыбу, добывалъ птичьи яйца; купался или забирался въ орѣшникъ. Тутъ-то и состоялось знакомство.

Мишка сидѣлъ среди кустовъ, когда услыхалъ тоненькій голосъ. Невдалекѣ отъ него стояла худенькая дѣвочка, высокая, съ двумя тугими косичками, торчавшими въ стороны. Собирая

въ передникъ орѣхи, она что-то мурлыкала. Это была „барышня“, и первымъ движеніемъ Мишки было бѣгство; но онъ зашумѣлъ сухимъ сучкомъ и, притаившись, присѣлъ. Дѣвочка подошла ближе, всмотрѣлась и сказала рѣшительно.

— Ну что же ты сидишь; вѣдь я вижу.

— Если ты меня выдашь, — я тебя отколочу.

— Что ты, не выдамъ...

Мишка вылѣзъ, и нѣкоторое время они стояли молча, оглядывая другъ друга.

— Цыганенокъ, — произнесла дѣвочка.

— Сама цыганка. Смотри никому не говори, а то я тебѣ, слышь?

— Не скажу же, — надулась Кэтъ и, повернувшись, сдѣлала видъ, что уходитъ.

— Подожди; если ты завтра принесешь мнѣ хлѣба, я тебѣ раковъ наловлю. Ладно? —

— Ладно. Только послѣ трехъ, а то я учусь...

— Учишься? — Мишка презрительно свиснулъ.

— Барышня!..

— А ты гадкій!..

— Сама дрянь!..

И они разстались отчасти сердитые, но сильно другъ другомъ заинтересованные.

Мишка относился къ этой встрѣчѣ просто: принесетъ или не принесетъ ѣды. Вѣдь ей это ничего не стоитъ. Дѣвочка же интересовалась иначе. Во-первыхъ интересна была неизвѣстность: кто онъ такой — черноволосый и черноглазый, такъ непохожій на деревенскихъ бѣлоголовыхъ ребятешекъ. Во-вторыхъ онъ былъ голодень, а это всегда возбуждало въ Кэтъ дѣятельную жалость. Поэтому она запаслась чѣмъ могла и на другой день, въ три часа, помчалась въ орѣшникъ. Мишка уже ждалъ ее.

— Скорѣе, мнѣ некогда. Раковъ тебѣ не принесъ, въ другой разъ...

И онъ съ жадностью набросился на ѣду. Ёль онъ поразительно быстро, а когда наѣлся, спряталъ остатки въ карманъ и за пазуху.

— Завтра приходи опять,—сказала Кэтъ.

— Ладно!

Онъ не задираля больше носа, и Кэтъ ушла довольная. Любопытство ея было удовлетворено; не выдавая себя, она вывѣдала у кухарки все, что хотѣла.

Весной этого года, когда еще снѣгъ лежалъ на поляхъ, невдалекѣ отъ деревни остановился цыганскій таборъ. Недѣли черезъ двѣ онъ ушелъ, оставивъ среди золы отъ костровъ, поломанныхъ колесъ и разныхъ тряпокъ больного мальчика. Цыгане поступили съ разчетомъ. Попробуй они навязать своего больного—имъ отказали бы, но брошеннаго пожалѣли и помѣстили въ больницу. Когда же онъ поправился, его взялъ къ себѣ Ома.

Этотъ разсказъ сильно подкрѣпилъ намѣренія Кэтъ. Брошенному и голодному она могла многое простить; недаромъ же она мечтала сдѣлаться святой.

Для Мишки наступило лучшее время. Онъ былъ постоянно сытъ. Если иногда ему и не удавалось вырваться, онъ питался запасами; Кэтъ обыкновенно приносила много. Мишка научилъ ее особенному сигнальному свистку: два протяжныхъ негромкихъ свистка подрядъ и одинъ—рѣзкій и громкій. Освободившись отъ Омы, Мишка подбѣгалъ къ забору сада и свисталъ. Если Кэтъ отвѣчала тѣмъ же, это значило, что она придетъ въ условленное мѣсто; молчаніе же обозначало отказъ. Свистъ этотъ не легко дался Кэтъ; зато она вознаграждала себя мыслью, какой фуроръ произведетъ она имъ въ гимназіи.

Мало по малу къ Мишкѣ возвращались силы, подорванные болѣзнью и голодомъ, а вмѣстѣ съ ними воскресалъ и духъ его упругій и смѣлый. Исчезала безсильная покорность, съ которой онъ жилъ у Оомы, въ головѣ зарождался планъ освобожденія.

Въ жизни Мишки была переменна, во время которой онъ чуть не умеръ отъ горя. Но переживъ ее, онъ закалился и сдѣлался стойкимъ не по годамъ. По рожденію Мишка не былъ цыганомъ. Онъ росъ въ небольшомъ провинціальномъ городкѣ, съ отцомъ, котораго очень мало видѣлъ, и нянькой, наполнявшей всю его жизнь. Она кормила и мыла его, укладывала спать, ласкала и баловала. Бѣленькій, черноглазый и толстый, онъ былъ счастливъ. Но однажды, когда онъ сидѣлъ на лѣстницѣ, ведшей изъ второго этажа на улицу, и игралъ въ солдатики, грубая рука зажала ему лицо такъ, что онъ не успѣлъ крикнуть и кто-то быстро спустился съ нимъ по лѣстницѣ, вскочилъ въ тряскую бричку и погналъ лошадей. Мишка очутился, очнувшись отъ перваго потрясенія, подъ огромнымъ клѣтчатымъ платкомъ, на колѣняхъ цыганки. Сидѣвшій рядомъ цыганъ похлестывалъ лошадь. Таборъ, къ которому они подъѣхали, быстро снялся, и Мишку запрятали въ крытую повозку. Мишка кричалъ, рвался и рыдалъ до полнаго утомленія. Похитители долго не обращали на него вниманія; потомъ подошелъ къ нему старый цыганъ и пригрозилъ убить его, если онъ не перестанетъ кричать. Мишка притихъ и долго лежалъ въ безсильномъ оцѣпенѣніи, пока сонъ не успокоилъ его.

Тяжелое пробужденіе смѣнилось рядомъ мукъ: Мишка жестоко страдалъ отъ холода, грубой пищи, отъ пинковъ и угрозъ, а главное, отъ тоски по дому. Въ душѣ часто проносилось желаніе умереть, и только два обстоятельства смяг-

чали горе: надежда, что рано или поздно они вернутся въ городъ, гдѣ онъ жилъ, и онъ найдетъ свою няню, да еще рѣдкая ласка цыганки, съ сыномъ которой онъ подружился.

За короткое время Мишка сильно измѣнился: похудѣлъ, осунулся, загорѣлъ.

Смѣтливый и ловкій для своихъ лѣтъ, онъ понравился цыганамъ, и понемногу положеніе его улучшилось. Мишка началъ узнавать и хорошія стороны цыганской жизни. Въ ней, наряду съ нуждой, было много приволья и разнообразія. Мишка научился ѣздить на неосѣдланной лошади, ловить рыбу, ставить силки на птицъ; привыкъ переносить голодъ, спать въ кибиткѣ въ холодныя ночи, много ходить и умѣло красть.

Года черезъ два онъ ничѣмъ не отличался отъ прочихъ ребяташекъ табора.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Мишкинаго похищенія въ таборѣ началась эпидемія. Дѣти умирали одинъ за другимъ. Цыганамъ велѣли убраться. Стояли еще холода, а приходилось сдѣлать большой переходъ съ больными. Наконецъ, они остановились и нѣсколько оправились. Эпидемія утихла. Таборъ опять хотѣлъ сняться, но тутъ захворалъ Мишка. Эта новая болѣзнь явилась тяжелой помѣхой для табора; Мишка былъ для нихъ чужимъ, и его бросили.

II.

Въ концѣ августа Кэтъ должна была уѣхать въ городъ, такъ какъ начинались занятія въ гимназіи. Ее тревожила мысль о Мишкѣ: какъ останется онъ безъ ея помощи. Но Мишка самъ разрѣшилъ этотъ вопросъ. Однажды онъ приближалъ на привычное свиданье взволнованный, растрепанный и злой; на лѣвой скулѣ у него былъ большой синякъ. Онъ сразу заявилъ:

— Теперь носи мнѣ больше, я скоро уйду въ лѣсъ!

— Какъ въ лѣсъ?

— Очень просто; уйду, построю домъ и буду жить. Не видалъ я Ѳомки!

Дѣвочка волновалась, возражала, но Мишка былъ непоколебимъ. Все вздоръ! Одежду онъ сошьетъ изъ звѣриныхъ шкуръ, огонь будетъ высѣкать кремнемъ, стрѣлять изъ рогатки. Мало по малу Кэтъ начинала вѣрить и увлекаться. Онъ ловкій, сумѣетъ!

— Наберу грибовъ, засушу. Второе—ягоды, орѣхи. Въ третѣихъ рыба. Не такіе виды видалъ!

Кэтъ повѣрила совсѣмъ, пришла въ восторгъ и даже почувствовала зависть; зачѣмъ она не мальчикъ, и зачѣмъ надо уѣзжать въ городъ?

Насталъ послѣдній день. Кэтъ явилась съ цѣлымъ узломъ. Кромѣ мяса и хлѣба тутъ было старенькое одѣяло, рваное бѣлье, которое можно было стащить незамѣтно и, самое главное, маленькій кошелекъ съ деньгами.

— Молодецъ, Кэтъ,—восторженно проговорилъ Мишка, не ожидавшій денегъ. И принялся мечтать. Онъ настрѣляетъ бѣлокъ, продастъ ихъ и купитъ ружье. Потомъ уѣдетъ въ Сибирь, сдѣлается охотникомъ на медвѣдей, разбогатѣетъ. Деньги онъ спрячетъ, потихоньку вернется въ деревню и сожжетъ домъ Ѳомы.

— Что ты, не надо,—въ ужасѣ говоритъ Кэтъ.

— Дура, ты ничего не понимаешь,—огрызается Мишка, но тотчасъ же смягчаетъ тонъ.

Ссориться имъ незачѣмъ, да и некогда.

— Потомъ сдѣлаюсь бариномъ и на тебѣ женюсь...

— Замужъ? Я въ монастырь пойду...—задумчиво говоритъ Кэтъ. Это злитъ Мишку, и они опять готовы поссориться.

Но пора разстаться.

— Прощай Мишенька,—говоритъ Кэтъ. Ей грустно, хочется плакать, но она сдерживаетъ „глупыя“ слезы, и они прощаются строго, почти холодно. За то потомъ Кэтъ плачетъ въ кустахъ, а Мишка угрюмо шагаетъ къ дому Оомы. Теперь онъ совсѣмъ одинъ. А одному не все ли равно, гдѣ быть: въ деревнѣ или въ лѣсу? Завтра онъ уходитъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На родинѣ первыхъ людей.

(Продолженіе).

ХІІ.

Въ камышахъ Хотанъ-дарьи.

НАХОДЯСЬ постоянно въ обществѣ киргизовъ, Семеновъ скоро такъ напрактиковался въ киргизскомъ языкѣ, что уже не только все понималъ, но и свободно болталъ на немъ. Онъ нарочно просилъ Барлыбая и Якуба не разговаривать съ нимъ по-русски и сдѣлалъ въ короткое время блестящіе успѣхи. Въ свободныя минуты на остановкахъ онъ изучалъ и грамматику киргизскаго языка, такъ что теперь свободно читалъ и переводилъ.

КИРГИЗКА.

Онъ научился также за это время ѣздить верхомъ на верблюдѣ, что, впрочемъ, не составляетъ особенной мудрости, только у непривычнаго человѣка въ первое время немного кружится голова, какъ при морской качкѣ.

Во время дневокъ друзья отправлялись на охоту то за антилопами, то за дикими утками и гусями, водившимися въ камышахъ рѣки Хотанъ-дарьи.

На всемъ протяженіи Хотанъ дарьи до самаго г. Хотана нѣтъ ни одного поселка; по берегамъ рѣки встрѣчались только пастухи со стадами овецъ да караваны купцовъ.

Однажды караванъ остановился на дневку у озера, окаймленнаго густыми высокими тополями. Семеновъ съ Якубомъ отъ нечего дѣлать взяли ружья и отправились бродить по окрестнымъ камышамъ. Они отошли довольно далеко отъ каравана и затерялись въ густыхъ заросляхъ камыша, среди котораго была проложена тропинка, протоптанная кабанями. Якубъ шелъ впереди, Семеновъ слѣдовалъ за нимъ. Охотники шли молча, зорко посматривая по сторонамъ, не встрѣтится ли имъ гдѣ-нибудь лужица съ дикими утками. Вдругъ неподалеку отъ нихъ раздалось рычаніе тигра; звѣрь, вѣроятно, отдохавшій въ камышахъ послѣ сытнаго завтрака, слѣлалъ нѣсколько прыжковъ и очутился возлѣ самаго Якуба; при видѣ двухъ охотниковъ, онъ остановился и хотѣлъ повернуть обратно, такъ какъ тигры обыкновенно не нападаютъ на людей, въ особенности вооруженныхъ. Однако, растерявшійся отъ неожиданности Якубъ инстинктивно, почти не цѣлясь, выпалилъ въ голову тигра и привелъ въ ярость страшнаго звѣря, лишь слегка оцарапаннаго зарядомъ дроби. Испуская яростный ревъ, тигръ пригнулъ къ землѣ голову, вытянулъ шею и, весь напрягшись, словно стальная пружина, приготовился прыгнуть. Якубъ считалъ себя уже погибшимъ, но вдругъ за его спиной раздался выстрѣлъ, и тигръ съ пронизаннымъ пулею лбомъ растянулся на землѣ.

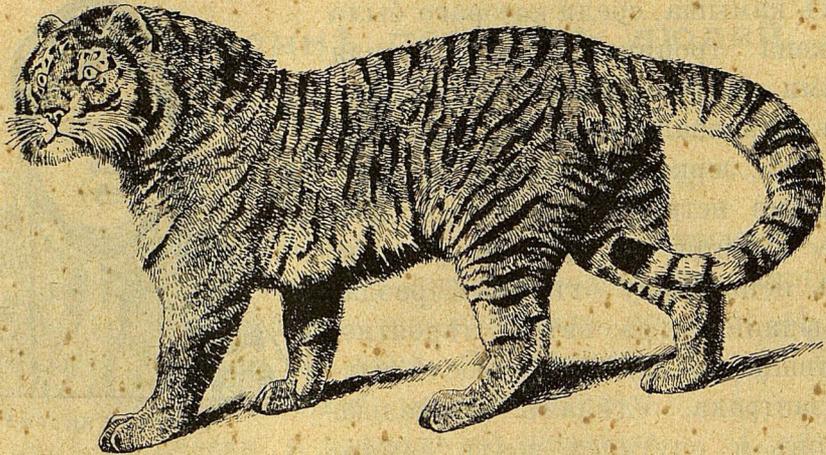

Дѣвочка киргизка.

— Ну, счастье наше, что я одинъ изъ стволовъ своей двухстволки всегда держу заряженнымъ пулею, а то не сдобровать бы намъ обоимъ, — сказалъ, подходя къ другу Семеновъ.

Друзья подошли поближе и начали разсматривать убитаго звѣря.

Это былъ великолѣпный экземпляръ королевскаго тигра, по наружному виду походившій на гигантскую кошку.

Т и г р ь.

Длина его тѣла была болѣе сажени. Совершенная кошка; такая же короткая, гладкая шерсть, только на щекахъ длиннѣе, точно бакенбарды. Цвѣтъ шерсти рыжевато-желтый съ темными поперечными полосами на спинѣ и по бокамъ, и только на брюхѣ, внутренней сторонѣ лапъ, на губахъ да на нижней части щекъ онъ былъ почти бѣлый. Щетинистые усы тоже бѣлые. Эта пестрая шуба была для него удобна въ густыхъ заросляхъ камышей, гдѣ онъ охотится: она дѣлала его незамѣтнымъ даже днемъ, въ особенности, когда яркія пятна солнечныхъ лучей играютъ въ камышахъ; онъ могъ

близко подкрадываться своими кошачьими неслышными шагами къ жертвѣ—да и охотнику нелегко его замѣтить.

— Ты обрати вниманіе, какіе у него когти и зубы,—сказаль Якубъ.

— Да, отъ ласкъ этой милой кошечки, я думаю, не по-здоровится,—отозвался Семеновъ.

— Однако, что же мы будемъ теперь съ нимъ дѣлать?

— А снимемъ съ него шкуру и потомъ подаримъ въ нашъ гимназическій музей.

— Вѣрно,—подтвердилъ Якубъ. И пріятели принялись за обдираніе шкуры убитаго тигра.

Когда они затѣмъ явились въ лагерь съ трофеемъ, удивленію и восклицаніямъ киргизовъ не было конца.

— Ну, гимназія, надо быть впередъ осторожнѣе въ здѣшнихъ камышахъ, а то вы какъ разъ угодите на завтракъ такому шайтану,—сказаль Барлыбай, разглядывая шкуру убитаго звѣря.

XIII.

На поиски мертваго города.

Дорога все время шла то вдоль русла рѣки, то по самому руслу.

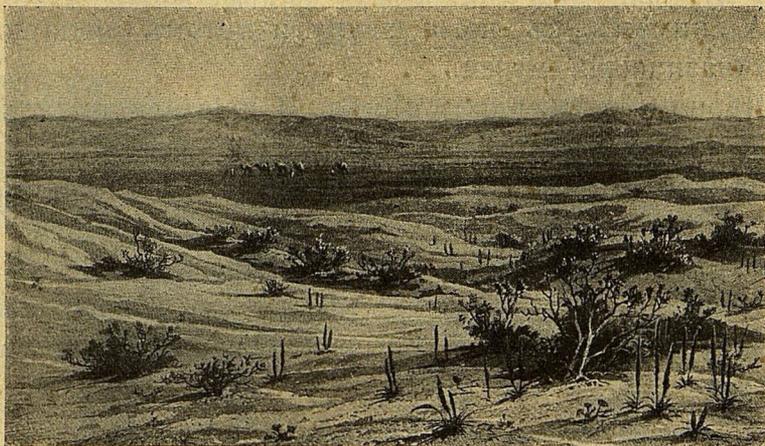
Трудно становилось каравану, когда начинало забураживать, и вѣтеръ гналь съ пустыни цѣлыя тучи мелкаго песку, сыпавшагося въ лицо, въ глаза и проникавшаго за одежду. Въ особенности, если приходилось въ это время переходить по открытому мѣсту, не защищенному лѣсной растительностью. Къ счастью, это случалось не часто, погода благопріятствовала нашимъ путешественникамъ.

Однажды, во время перехода, Сулейманъ, указывая Семенову на западъ, въ сторону отъ рѣки, на виднѣвшіяся

въ пустынь очертанія какихъ-то горныхъ утесовъ, ска-
заль:

— Видишь, синѣютъ горы? Такъ вотъ около этихъ горъ
и находится мертвый городъ, о которомъ я говорилъ.

Семеновъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Якубу, и на
ближайшей стоянкѣ они стали просить Барлыбая, чтобы онъ

Въ пустынь.

позволилъ имъ сдѣлать экскурсію къ этимъ горамъ для ро-
зыска и осмотра мертваго города.

— Но вѣдь это займетъ не менѣе трехъ-четырехъ дней,—
возразилъ Барлыбай, посмотрѣвъ по направленію горъ.

— Ну, такъ что же? По крайней мѣрѣ верблюды за это
время отдохнутъ, какъ слѣдуетъ,—сказаль Якубу.

— Пожалуй, ты правъ,—согласился отецъ. Поѣзжайте.
Я и самъ не прочь бы поѣхать съ вами, да только не на
кого оставить караванъ. Сулеймана придется отправить съ
вами, а на остальныхъ чапановъ я не особенно полагаюсь:
мало ли что можетъ случиться.

Бхать въ сторону отъ русла рѣки по пустынѣ на лоша-
дяхъ и думать было нечего; уже отъ самой опушки лѣса
начинались высокіе песчаные барханы, по которымъ могли
ходить одни только верблюды. Поэтому Барлыбай распоря-
дился приготовить для экскурсантовъ двухъ наиболѣе выно-
сливыхъ верблюдовъ.

Выступить было рѣшено на слѣдующее утро, послѣ того,
какъ верблюды и люди, утомленные переходомъ, успѣютъ
достаточно отдохнуть.

Семенову долго не спалось въ эту ночь. Все грезился
заброшенный въ пустынѣ древній городъ, который они должны
были увидеть. Что это за городъ? Быть можетъ, они увидятъ
тамъ дворцы древней греческой архитектуры съ мраморными
колоннами, арками, барельефами... Можетъ быть, найдутъ во
дворцахъ чудныя статуи—произведенія знаменитѣйшихъ гре-
ческихъ скульпторовъ, драгоценныя вазы, сосуды и другія
вещи. Кто знаетъ, быть можетъ, со временемъ посѣтители
музеевъ, гдѣ будутъ выставлены эти древнія драгоценности,
осматривая ихъ, будутъ говорить: „вотъ, всѣ эти чудныя
вещи были открыты гимназистомъ седьмого класса Вѣрнен-
ской гимназіи Павломъ Семеновымъ и его другомъ, кирги-
зомъ Якубомъ Тулековымъ, во время странствованія по пу-
стынѣ Такла-маканъ.“ И долго Семеновъ ворочался съ боку на
бокъ, предвкушая будущую славу знаменитаго археолога.

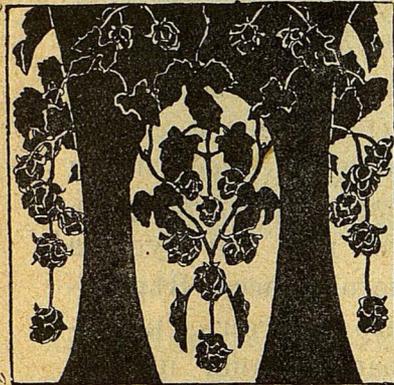
Едва только забрезжилъ разсвѣтъ, какъ Сулейманъ, на-
вьючивъ верблюдовъ запасами воды, провизіи и дровъ, на
всякій случай, на цѣлую недѣлю, разбудилъ нашихъ искате-
лей приключеній. Наскоро позавтракавъ приготовленнымъ
„талканомъ“ (нѣсколько горстей поджаренной просяной муки,
разболтанной въ водѣ—обычная пища киргизовъ), наши прія-
тели взобрались на спины верблюдовъ и отправились въ

пустыню. Сулейманъ, въ качествѣ проводника, шелъ пѣшкомъ, ведя черезъ барханы передового верблюда, на которомъ сидѣлъ Якубъ.

— Не мало ли вамъ будетъ двухъ верблюдовъ? Довезете ли на нихъ сокровища, которыя тамъ отыщете? А то, пожалуй, можно еще одного прибавить! — точно угадывая ночныя мечты Семенова, шутя закричалъ имъ вслѣдъ Барлыбай.

— Пока довольно, а потомъ можно будетъ и за другими вернуться, — смѣясь, отвѣтилъ ему Семеновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сѣдая сосна.

ОЛЯ моего отца граничили съ сосновымъ лѣсомъ. Лѣсъ этотъ тянулся далеко къ сѣверу, поднимался тамъ въ гору и затѣмъ сливался съ лиственный лѣсомъ у „Чортовыхъ скалъ“. Когда я былъ ребенкомъ, надъ всѣми соснами и елями этого лѣса возвышался остовъ одной сосны. Преданіе, сложившееся много вѣковъ тому назадъ, говорило, что во времена турецкаго нашествія, когда въ странѣ вмѣсто креста былъ воздвигнутъ полумѣсяць, много было пролито христіанской крови именно подъ этою сосною.

Мнѣ всегда становилось жутко, когда я съ какого-нибудь поля или луга различалъ этотъ сосновый скелетъ. Онъ возвышался надъ цѣлымъ лѣсомъ и вытягивалъ во всѣ стороны свои длинные, голые, безпорядочно спутанные сучья, точно костлявыя руки и пальцы привидѣнія. Только на

одной вѣткѣ сохранились еще пучки темно-зеленыхъ иглъ, а надъ этой вѣткой торчалъ остроконечный обрубокъ ствола, на которомъ прежде держалась вершина.

Вѣроятно, ее сломила буря или разбила гроза—старики и тѣ не помнили, чтобъ у сосны была когда-нибудь вершина.

Но издали, когда мнѣ приходилось пасти на лугу быковъ или овецъ, я съ удовольствіемъ поглядывалъ на сосну. При солнцѣ, надъ свѣжей зеленою лѣса, она становилась розовой и такъ тонко и четко вырисовывалась на голубомъ небѣ. Когда же надвигалась гроза или въ облачные дни, сосна поднималась надъ лѣсомъ вся темная, точно застывшая. И если въ лѣсу всѣ вѣтви раскачивались во всѣ стороны отъ бури, и низко склонялись вершины деревьевъ, одна сосна стояла тихо и прямо, почти совершенно неподвижная.

Иногда у меня изъ стада пропадала корова, теленокъ или коза, и мнѣ приходилось искать ихъ по лѣсу. И каждый разъ, когда путь мой лежалъ мимо сосны, я всегда вспоминалъ турецкій полумѣсяцъ и пролитую подъ этимъ деревомъ христіанскую кровь. Мнѣ становилось страшно, но каждый разъ, несмотря на страхъ, я удивлялся огромному росту дерева. Стволъ его былъ такой странный: съ одной стороны весь въ щеляхъ, а съ другой—въ шероховатыхъ наростахъ. Внизу сосна была такая толстая, что два человѣка не могли ее обхватить.

Безчисленные же корни, выбѣгавшіе изъ-подъ земли, переплетались другъ съ другомъ, какъ вѣтви на верху, на самомъ деревѣ.

Сосну у насъ называли Турецкой или Сѣдой сосной. Почему-то въ нашихъ мѣстахъ вошло въ обычай про заносчиваго и упрямаго человѣка говорить, что у него „вмѣсто головы хохоль отъ Турецкой сосны.“ Теперь сосны уже давно нѣтъ, но пословица уцѣлѣла и до сихъ поръ.

Во время жатвы, когда отецъ вмѣстѣ съ рабочими жалъ хлѣбъ и вязалъ снопы, на моей обязанности лежало составлять эти снопы по десяти вмѣстѣ, чтобы дѣлать изъ нихъ суслоны на время просушки. Занятіе это меня увлекало до такой степени, что частенько рабочіе подсмѣивались надо мной и покрикивали:—Ну, мальчуганъ, шевелись! Кто носить снопы, тотъ богатѣмъ станетъ.

Мнѣ это нравилось, и я бѣгалъ со снопами изо всѣхъ силъ. Тогда уже вмѣшивался отецъ:

— Ты бѣгаешь, какъ сумасшедшій, мальчуганъ,—говорилъ онъ мнѣ.—Стебли такъ и разлетаются вокругъ тебя. Подожди, еще рано сѣять.

Когда время подходило къ вечеру, и наступали сумерки, рабочіе, несмотря на всѣ мои старанія, значительно опережали меня. Я со снопами оставался позади, и это меня сильно тревожило. Къ тому же мнѣ казалось всегда, что вѣтви Турецкой сосны, неясными очертаніями рисовавшейся на вечернемъ небѣ, начинали шевелиться именно въ это время. Всячески увѣрялъ я себя, что этого нѣтъ и быть не можетъ, — вѣтви шевелились, и кончено.

Когда же на полѣ становилось уже совсѣмъ темно, рабочіе вытирали косы сырой травой, а потомъ, съ веселымъ пѣніемъ и шутками, помогали мнѣ переносить снопы. Когда съ этимъ бывало покончено, работники и работницы шли домой, а я оставался вдвоемъ съ отцомъ на жнитвѣ. Мы продолжали работать до тѣхъ поръ, пока не составляли послѣдняго суслона.

Эта вечерняя работа съ отцомъ была въ дѣтствѣ моей любимой. Работая, я наблюдалъ млечный путь, слѣдилъ за падающими звѣздами и свѣтляками, которые свѣтились такъ ярко, что я побаивался, какъ бы отъ нихъ не загорѣлись снопы. Потомъ я начиналъ прислушиваться къ стрекотанью кузнечиковъ.

Въ это время уже и снопы, и трава, и даже моя курточка становились чуть-чуть влажными отъ росы. Обо всемъ, что я видѣлъ, я разговаривалъ съ отцомъ, и онъ своимъ спокойнымъ и добродушнымъ голосомъ рассказывалъ мнѣ все, что думалъ и зналъ объ этихъ вещахъ.

Когда же онъ чего-нибудь не зналъ, то всегда откровенно признавался въ этомъ.

Насколько серьезенъ и строгъ былъ со мной отецъ во время работы днемъ, настолько ласковъ, нѣженъ и добродушенъ дѣлался онъ въ эти вечерніе часы. Прежде всего обыкновенно онъ помогалъ надѣтъ мнѣ мою курточку, а потомъ повязывалъ мнѣ на шею свой рабочій фартукъ, чтобы я не простудился. Когда же я пробовалъ уговаривать его застегнуть куртку, онъ всегда отвѣчалъ одно:

— Мнѣ тепло и такъ, дитя. Часто я замѣчалъ, что послѣ тяжелаго рабочаго дня онъ сильно уставалъ, присаживался на снопы и вытиралъ потъ со лба. Его подкосила перенесенная имъ затяжная болѣзнь, но въ этомъ онъ никогда не хотѣлъ признаться. Онъ всегда думалъ не о себѣ, а о нашей матери, о дѣтяхъ, о хозяйствѣ, которое отъ разныхъ неудачъ пришло въ упадокъ, и которое онъ всячески старался поднять.

Во время жатвы мы часто говорили о нашемъ хозяйствѣ, и отецъ рассказывалъ мнѣ, что при дѣдушкѣ дворъ нашъ былъ однимъ изъ самыхъ зажиточныхъ, и что онъ можетъ стать снова такимъ же, если мы, дѣти, выростемъ хорошими работниками.

Случалось, что въ эти поздніе, иногда даже ночные часы говорили мы съ отцемъ о Богѣ. Отецъ мой былъ совсѣмъ необразованъ и даже неграмотенъ, и я рассказывалъ ему все, что мнѣ удалось слышать и прочесть. Чаще всего рассказывалъ я отцу о рожденіи Спасителя, о томъ, какъ Онъ лежалъ

въ ясляхъ, какъ Ему поклонялись пастухи, какъ принесли Ему въ даръ барашка, козлика и много другихъ вещей. Рассказывалъ я и о томъ, какъ Христось творилъ чудеса, какъ евреи осудили его и распяли на крестѣ.

Любилъ рассказывать я еще и о сотвореніи міра, о патриархахъ и пророкахъ, и о временахъ язычества. И о Страшномъ судѣ я рассказывалъ, и о вѣчной радости, которую Господь обѣщалъ на Небесахъ всѣмъ бѣднымъ и страждущимъ.

Отець слушалъ меня очень внимательно и часто бывалъ очень растроганъ моими словами.

Иногда же слушалъ я, а рассказывалъ уже отецъ. Удивительныя вещи зналъ онъ о дѣдовскихъ временахъ, зналъ, какъ жили тогда люди, зналъ все, что случилось съ ними. И то, что съ ними бывало, теперь, кажется, никогда ни съ кѣмъ и не случается.

— А ну-ка, скажи мнѣ, задумывался ты когда-нибудь надъ тѣмъ, почему это звѣзды стоятъ на небѣ? — спросилъ меня какъ-то разъ отецъ.

— Нѣтъ, я объ этомъ никогда еще не думалъ, — отвѣтилъ я.

— Не задумываемся мы надъ этимъ, потому что привыкли.

— А что, отецъ, вѣдь будетъ такое время, когда на небѣ не останется ни звѣздочки? — спросилъ я разъ у отца. — Каждую вѣдь ночь ихъ по скольку скатывается внизъ!

— Тѣ, что падаютъ, — отвѣтилъ отецъ, — это звѣзды не настоящія, совсѣмъ не тѣ, которыя Господь создалъ, чтобы онѣ свѣтили. Это просто человѣческія звѣзды. Умреть на землѣ человѣкъ, и свалится такая звѣзда съ неба. Звѣзды эти такъ и называются падающими. Смотри скорѣй, тамъ за Сѣдой сосной, какъ разъ катится падачая звѣзда.

Я примолкъ на минуту, а потомъ опять спросилъ:

— Почему называютъ эту сосну „Сѣдой сосной“, отецъ?

Отецъ какъ разъ въ это время завязывалъ снопы. Покончивъ съ ними, онъ сказалъ:

— Сосну эту, какъ ты знаешь, зовутъ еще и Турецкой сосной. Сѣдой зовутъ ее потому, что и вѣтви, и мохъ — все на ней сѣрое, и еще потому называютъ ее Сѣдой, что на ней у твоего прадѣдушки пробилась первая сѣдина. Вотъ погоди, кончимъ сейчасъ работать, и расскажу я тебѣ занятную исторію.

Больше восьмидесяти лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ твой прадѣдушка женился на моей бабушкѣ. Прадѣдушка былъ красивый малый и очень богатый къ тому же. Онъ могъ бы взять себѣ въ жены дочь любого зажиточнаго крестьянина, но вмѣсто этого выбралъ бѣдную дѣвушку изъ лѣсной хижины. Красавица и скромница была эта дѣвушка. Черезъ два дня у насъ какъ разъ канунъ Успенья, и въ это число исполнится годовщина того дня, когда твой прадѣдушка пошелъ сватать себѣ невѣсту въ лѣсную хижину. Была и тогда какъ разъ уборка хлѣба.

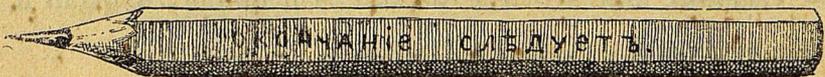
Прадѣдушка въ этотъ день зашашилъ раньше обыкновеннаго, потому что путь лѣсомъ до избушки былъ не близкій. Порядкомъ всѣ переполошились въ избушкѣ, когда онъ пришелъ. Старикъ хозяинъ жилъ починкой обуви для угольщиковъ и дровосѣковъ, точилъ иногда пилы и топоры, а случалось, и дѣлалъ капканы для дикихъ звѣрей — въ это время не мало водилось еще у насъ волковъ въ округѣ. Такъ вотъ, у старика даже работа изъ рукъ вывалилась, когда прадѣдушка объявилъ, зачѣмъ пришелъ.

— Шутки ты что ли вздумалъ надо мной шутить? — сказалъ онъ. — И неужели тебѣ взаправду пришло въ голову жениться на моей Ленхенъ? А прадѣдушка ему въ отвѣтъ:

— Именно, для этого я издадека и пришелъ сюда и, если

только Ленхенъ ничего противъ этого не имѣеть, то мы и поженимся. Сегодня же сдѣлаемъ сговоръ, а завтра утромъ отправимся къ судѣ и пастору. Домъ мой и дворъ, я, какъ полагается, запишу на имя Ленхенъ. — Дѣвушкѣ твой пра-дѣдушка былъ любъ, и она сказала, что хочетъ быть его женой. Послѣ этого сѣли они всѣ немного закусить, а потомъ, когда уже стало темнѣть, женихъ отправился къ себѣ восвосяи.

Прошелъ онъ черезъ лужокъ передъ лѣсной хижиной—теперь тамъ уже стоятъ большія деревья—и направился къ лѣсу. Настроеніе духа у него было прекрасное, о томъ, что становится все темнѣе и темнѣе, онъ и не думалъ, не замѣчалъ и зарницъ. Онъ привыкъ, что онѣ сверкаютъ по вечерамъ послѣ жаркаго лѣтняго дня. Единственно къ чему онъ отнесся внимательнѣе—это къ волчѣму вою, донесшемуся вдругъ изъ лѣса. Онъ вспомнилъ, что волки частенько бродятъ большими стаями по лѣсамъ. Покрѣпче ухвативъ свою суковатую дубинку, пра-дѣдушка ускорилъ шагъ. Теперь уже больше ничего не было слышно, кромѣ крика ночной птицы, и ничего не было видно, кромѣ темныхъ стволовъ, между которыми вилась тропинка, и по временамъ поблескивали зарницы. Но вдругъ опять послышался волчій вой и на этотъ разъ слышнѣе, чѣмъ раньше. Тогда онъ пустился бѣжать. Онъ бѣжалъ изо всѣхъ силъ. Никакихъ птицъ онъ больше не слышалъ, слышалъ одинъ волчій вой, который преслѣдовалъ его по пятамъ. Попробовалъ онъ оглянуться назадъ и увидѣлъ сквозь вѣтви искрящійся свѣтъ. До него уже доносилось сопѣніе гнавшихся за нимъ разъяренныхъ звѣрей. „Не попасть мнѣ, пожалуй, завтра на обрученье къ пастору“, мелькнуло у него въ головѣ, и, какъ разъ въ эту минуту, очутился онъ передъ Турецкой сосной.

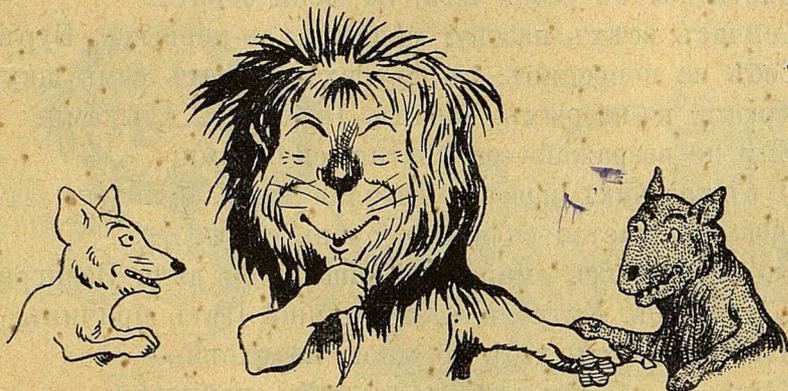

Жизнь Хитролиса

Приключеніе тринадцатое.

Какъ Благородъ, Изенгринъ и Хитролисъ охотились
вмѣстѣ, и какъ они раздѣлили добычу.

БДНАЖДЫ Хитролисъ въ погожий ясный день
Въ лѣсу вскарабкался на старый мшистый пенъ.
Оттуда высмотрѣть фазановъ онъ хотѣлъ,
Но птицы ни одной замѣтить не успѣлъ
Ни изъ фазаньей онъ, ни изъ другихъ породъ,
Какъ видить—издали подходить Благородъ.
Король звѣрей гулялъ по лѣсу не одинъ:
За нимъ почтительно шелъ дядя Изенгринъ.
За силу и всегда особое старанье
Онъ маршала носилъ торжественное званье.
„Нижайше бю челомъ высокимъ я гостямъ,
Промолвилъ Хитролисъ—и лапочки по швамъ.
Припомнивъ всѣ рассказы
Про Лисины проказы,

Король не могъ не разсмѣяться.

Отвѣтилъ: „Очень радъ съ тобою повидаться.“

На маршала взглянулъ и продолжалъ со смѣхомъ:

„Пусть хитрости твои вѣнчаются успѣхомъ!..“

„Я въ пожеланіяхъ нуждаюсь, государь:

Не такъ удачливъ я, какъ то бывало встарь.

Ужъ если бѣ обладалъ такимъ я хитрымъ нравомъ,

Весь день бы не сидѣлъ на этомъ пнѣ корявомъ

И для любезнѣйшей супруги Эрмелины

Давно бы натаскалъ отборнѣйшей дичины.

И дѣти малыя, и самъ сижу голодный.

Повѣрьте мнѣ, звѣрей властитель благородный,

И отпустите вновь охоту продолжать.“

„Нѣтъ,“ отвѣчалъ король, „куда тебѣ бѣжать?

Такого спутника не скоро мы найдемъ,

Такъ лучше намъ итти охотиться втроемъ.“

„Великій государь, вы благостны безмѣрно,

Я это утверждать могу нелицемѣрно,

Но много есть большихъ и сильныхъ въ вашей
свитѣ,

Охотиться съ собой ихъ, не меня зовите.

Сейчасъ всѣхъ назову: медвѣдь, во-первыхъ, Буръ.

Себѣ не повредивъ, съ другихъ сдеретъ семь шкуръ.

Хрюкъ, во-вторыхъ, кабанъ. Работаетъ клыками.

Ему не возражай—расплатишься боками.

Я въ-третьихъ назову—Рычлая вамъ, бульдога,

Онъ обращается со всѣми очень строго.

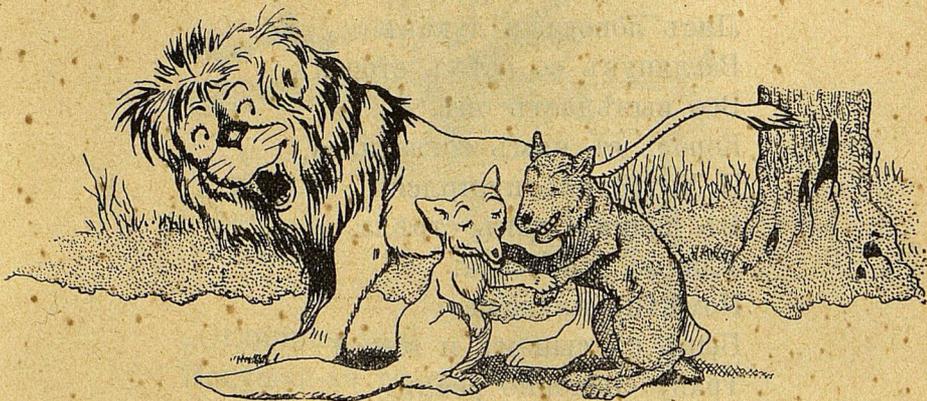
Въ четвертыхъ—маршалъ вашъ, мой дядя Изенгринъ.“

„Лукавишь, Хитролисъ, ты вѣчно! Нѣтъ причинъ,

Чтобы не быть тебѣ со мною на охотѣ.

Хочу,—и оба вы сейчасъ со мною пойдете.“

„Простите, государь, мнѣ право очень стыдно
Опять настаивать, но вѣдь сейчасъ же видно:
Присутствіе мое такъ непріятно дядѣ.
Я нелюбовь его читаю въ каждомъ взглядѣ.
За что онъ не влюбилъ меня—не понимаю:
Ему я отъ души всегда добра жалаю.“
Волкъ быстро возразить племяннику хотѣлъ,
Но Благородъ прервалъ: „Мнѣ споръ вашъ надоѣлъ.
Довольно враждовать! Мое такое мнѣнье:
Должны вы разрѣшить всѣ недоразумѣнья,
И ссоры позабыть совѣтую я вамъ.
Ты, Хитролисъ, смотри и воли злымъ словамъ
И шуткамъ не давай, а ты не обижайся,
Нашъ маршалъ: шуткою отъ шутки отбивайся.“
Волкъ очень бы хотѣлъ на это возразить,
Что такъ, какъ Хитролисъ,—ужь слишкомъ зло шутить,
Но, разъ король сказалъ—покорствуешь придворный.
Волкъ сдѣлалъ шагъ впередъ съ улыбкою притворной,
Совсѣмъ неласковыми чувствами волнуемъ,
И рыжей мордочки коснулся поцѣлуемъ.

„Ну, вотъ,“ сказалъ король, „отлично! А теперь Ты долженъ, Хитролисъ, какъ самый ловкій звѣрь, Придумать способы и указать пути, Чтобы добычу намъ хорошую найти.“

„Конечно, государь, ручаться не могу, Но знаю, что порой пасется на лугу Въ долинѣ, гдѣ видна отсюда деревенька, Крестьянскій скотъ. Пойдемъ, посмотримъ хорошенько.“

„Отличнѣйшая мысль, ты, право, молодчина, Хотя придворнаго и не имѣешь чина,“ Съ улыбкой лестною промолвилъ Благородъ. И, сдѣлавъ лапой знакъ, самъ двинулся впередъ. Они недалеко еще пройти успѣли,

Какъ Изенгринъ сказалъ: „Смотрите, мы у цѣли. Насъ счастье ведетъ, добыча намъ готова: Великолѣпный быкъ, теленокъ и корова. Такіе случаи удачи очень рѣдки.

Племянника послать недурно бѣ на развѣдки, Чтобъ намъ не помѣшалъ какой-нибудь мужикъ. Вѣдь Хитролисъ всю жизнь разнюхивать привыкъ.“

„Вполнѣ ты, маршалъ, правъ.

Лисъ ловокъ и лукавъ.

Взглянувъ со всѣхъ сторонъ,

Все вывѣдаетъ онъ,“

Король съ нимъ согласился,

И Хитролисъ пустился

Въ долину, какъ стрѣла.

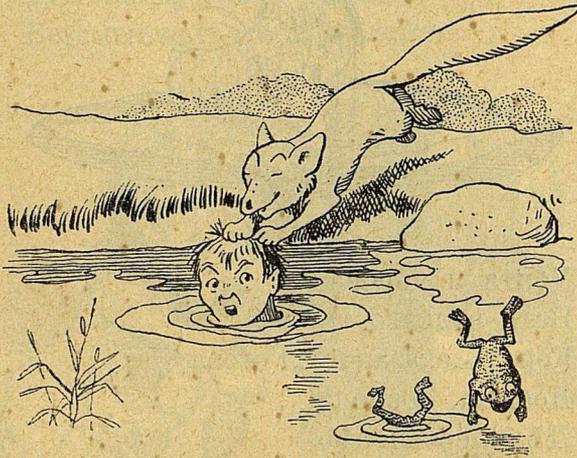
Удачно шли дѣла:

Помѣхи—никакой.

Быкъ съ сыномъ и женой

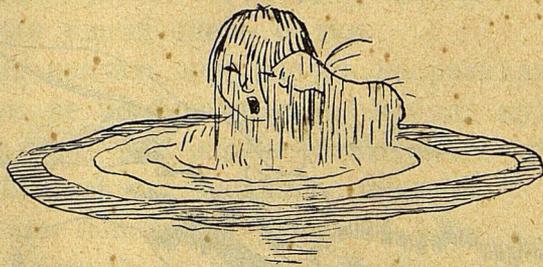
Траву спокойно рвали

И медленно жевали.
Но Хитролись пониже
Припаль, къ землѣ прильнуль,
Подползъ еще поближе,
Повсюду заглянулъ.
Высматриваетъ тонко
И напрягаетъ слухъ.
Вдругъ кто-то крикнуль звонко:
Купается пастухъ.
Въ ручьѣ вода прозрачна,
Надъ ней камышъ нависъ.
„Я высмотрѣлъ удачно,“
Подумалъ Хитролись.
Къ ручью онъ подбѣгаетъ,
Хватаетъ пастуха
И въ воду погружаетъ.

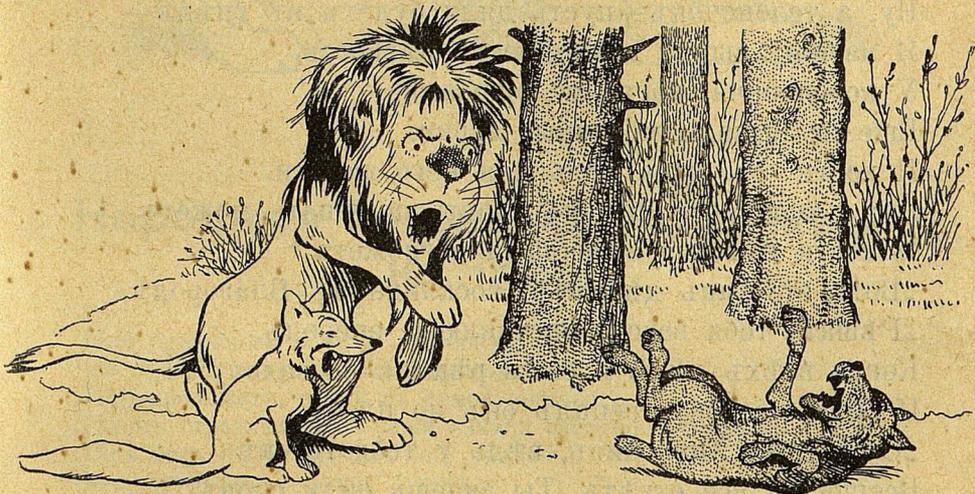
„Отличная уха!
Покушай-ка со вкусомъ

И рыбокъ поглотай.
Теперь подводнымъ ракамъ
Поклонъ нашъ передай.
Вѣдь съ рыбою живою
Отличная уха.
Еще разъ съ головою
Нырни. Вотъ такъ, ха-ха!“
Вопить пастухъ несчастный:
Вода со всѣхъ сторонъ!
Какъ будто сонъ ужасный
Средь дня увидѣлъ онъ.
Пока онъ отряхался
И глазъ теръ кулакомъ,
Волкъ быстро справлялся
Съ теленкомъ и быкомъ.

Убита и корова
Безъ всякаго труда.
Король сказалъ: „Готова
Добыча, господа!
Дѣли ее скорѣе,
Нашъ маршалъ Изенгринъ.“
„Ослушаться не смѣя,
Король нашъ господинъ,

Скажу всего два слова:
Быкъ ваша часть вполнѣ,
А также и корова.
Теленка дайте мнѣ,
А Рыжему—не надо,
Его мы обойдемъ.
Вѣдь для него награда,
Что былъ онъ съ королемъ.“
Волкъ думалъ—левъ доволенъ
И оттого молчить,
Племянникъ обездоленъ,
А онъ съ семьею сытъ.
Но левъ такъ разсердился
И отвѣчалъ толчкомъ
Такимъ, что покатился
На землю волкъ—волчкомъ.
„Ты по-дурачки дѣлишь,
Безмысленъ твой дѣлежъ.

Когда невѣрно цѣлишь,
То въ цѣль не попадешь.
Кто глупостью блистаетъ,
Не раскрываль бы пасть.
Пусть Хитролисъ рѣшаетъ,
Кому какая часть.“

Торжественно поклонъ отвѣсивши придворный,
Отвѣтилъ Хитролисъ: „Я вашъ слуга покорный.
Старались мы для васъ, и все, что здѣсь лежитъ,
Все вамъ принадлежитъ.“

„Нѣтъ,“ возразилъ король: „Я не согласенъ, нѣтъ.
Мы соблюсти должны придворный этикетъ.
Устрой, чтобъ былъ дѣлежъ и справедливъ, и
строгъ,

Чтобъ недоволенъ быть никто изъ насъ не могъ.“

„Тогда я такъ рѣшу,“ отвѣтилъ Лисъ проворно.

„Быкъ вашей милости принадлежитъ безспорно,
Самъ дядя такъ сказалъ. Корова—королевъ.

Ну, а теленочекъ—пусть дядя будетъ въ гнѣвѣ—
Я вашему сынку преподнести рѣшаюсь.

У королевича, когда не ошибаюсь,

Еще не выпали молочные зубки,

И кости отъ быка вѣдь для него жестки.

Ну, а теленочка онъ въ сласть покушать можетъ,

И кости нѣжныя зубочками обгложетъ.“

„Вотъ это такъ дѣлежъ!“ воскликнулъ Благородъ,

„Рѣшать тебя всегда заставлю и впередъ,

Когда всѣхъ дѣлъ я самъ рѣшать не захочу“.

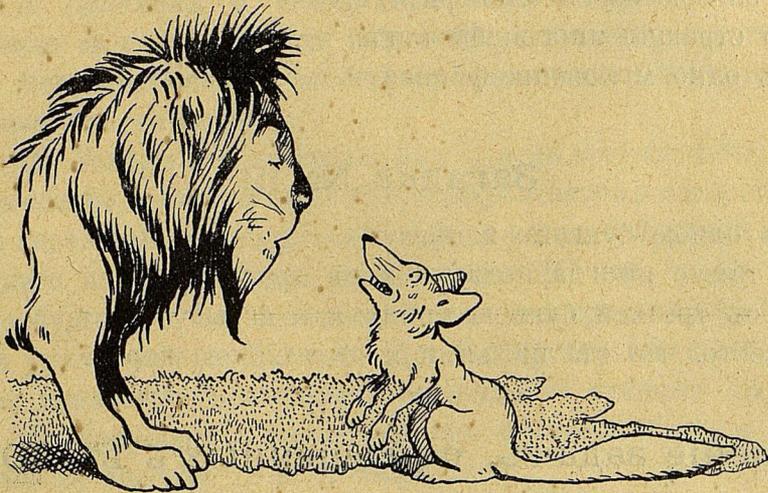
И Лиса ласково трепалъ онъ по плечу.

„О мудрый Хитролисъ, вѣдь у тебя готовъ

Всегда на все отвѣтъ. Ты знаешь силу словъ,

Умѣешь пользоваться глупостью другихъ.
Безумень трижды тотъ изъ подданныхъ моихъ,
Кто, зная всѣ дѣла твои и слыша рѣчь,
Рѣшится дружбою твоею пренебречь“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Народныя поговорки и примѣты на іюль.

Лѣто припасиха, а зима подбериха.
Что лѣтомъ родится, зимой пригодится.
Лѣто пролежитъ, зимой съ сумой побѣжить.
Лѣтомъ страдныя работушки—зимой заснушка студеная.
Лѣсъ безъ вѣтра шумить—къ дождю.
Соль отсырѣть—дождь будетъ.

Шарада № 5.

Начало—въ азбукѣ. Конецъ вездѣ обильно
Растеть, гдѣ только есть и солнце, и вода.
Весною онъ къ себѣ безъ слова, но умильно
Насъ всѣхъ зоветъ всегда.

А все мое—обманчиво на видъ
И злобою своей не поразить,
Но страшно иногда бываетъ:
Въ одно мгновенье убиваетъ.

Загадка № 12.

Съ одною буквою—я ползу
И также иногда ползу я и съ другой,
А съ третьей буквою приду я и сгрызу
Все то, что съ листьями и съ нѣжною корой.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 10 №.

Рѣшеніе загадки № 7—У —фа.

Рѣшеніе загадки № 8—А—кула, с—кула.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 11-мъ №.

Рѣшеніе ребуса № 5.

И соколъ выше солнца не летаетъ.

Рѣшеніе загадки № 9—Кура—ура.

Рѣшеніе загадки № 10—Кис—ель.

Отъ кохторы редакціи.

Просимъ прочесть непременно.

1. Рукописи, присылаемыя въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копеечную марку для отвѣта.

3. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовлетворять не можетъ.

4. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 коп. До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по старому адресу.

5. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., и остальные деньги не позднее 15-го Апрѣля.

6. Желающіе получить рукопись обратно должны присылать почтовые марки для отсылки рукописи заказной бандеролью. Простой бандеролью или на свой счетъ редакція рукописей не отсылаетъ.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по пятницамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

Условія подписки на 1910 г. на годъ 3 р. съ пересылкой и доставкой.

Открыта подписка на 1910 годъ

на иллюстрированный дѣтскій журналъ

5-й годъ
изданія.

ТРОПИНКА

24 нн.
въ годъ.

Журналъ выходитъ 1 и 15 каждого мѣсяца въ 2—3 печатныхъ листа и предназначается для дѣтей средняго возраста.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы, статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ 1910 году въ „Тропинкѣ“ будетъ напечатано, между прочимъ, слѣдующее: *Эн. Венгеровой „Донъ-Кихотъ“*. *З. Н. Гиппиусъ „Полетѣли“* (о воздухоплавани). *Е. П. Иванова „Черный мельникъ“*. *П. Инфантьева „На родинѣ первыхъ людей“*. (Путешествіе двухъ гимназистовъ по Средней Азіи). *И. С. Кондурушкина „Сказка о четырехъ вѣтрахъ“*. *Кл. В. Лукашевичъ „Нелюбимая подруга“*. *Н. И. Манасеиной „Чербетская принцесса“*. (Повѣсть изъ дѣтства и юности Екатерины П). *Проф. М. И. Ростовцева „Олимпийскія игры“*. *П. Соловьевой (Аллего) „Царевна Земляничка“* (пьеса въ стихахъ). *Н. Л. Шапиръ „Въ зоологическомъ саду“* и мн. др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 руб. Для ознакомленія съ журналомъ можно выписывать его на 4 мѣсяца за 1 руб. При желаніи продлить подписку остальные деньги должны быть присланы въ редакцію не позднѣе 15-го апрѣля.

Въ редакціи имѣются въ небольшомъ количествѣ комплекты 1908 и 1909 г.г.

Комплекты 1906 и 1907 г.г. все разошлись.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ КОНТОРЫ: Москва, при конторѣ Печковской, Петровскія линіи.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ И КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Вознесенскій пр., № 36, кв. 4.

Телефонъ 297—55.

Редакторы-Издатели *Л. Соловьева* и *Н. Манасеина*.